

В.А. Филипенко

СПЕЦИФИКА ПРОЯВЛЕНИЯ
ПРИНЦИПА ДОБРОСОВЕСТНОСТИ
В КОРПОРАТИВНОМ ПРАВЕ

СТАТУТ
МОСКВА 2025

УДК 346.1
ББК 67.404.013.11
Ф 53

Автор:

Филипенко Виктор Александрович — магистр права (НИУ ВШЭ, «Корпоративный юрист»), аспирант НИУ ВШЭ (Департамент правового регулирования бизнеса), практикующий юрист в сфере корпоративного и обязательственного права.

Филипенко, Виктор Александрович.

Ф 53 Специфика проявления принципа добросовестности в корпоративном праве : [монография] / В. А. Филипенко. — Москва : Статут, 2025. — 501 с.

ISBN 978-5-8354-2088-9 (в пер.)

В монографии исследуется действие принципа добросовестности в корпоративном праве, а точнее — специфика, особенности его действия и наиболее заметные направления кристаллизации. В трех главах исследования рассматриваются такие фундаментальные вопросы, как сущность принципа добросовестности, деление принципа на подвиды (специальные проявления), подходы зарубежных юрисдикций к определению принципа, система и роль принципа в российском праве, соотношение принципа с категориями вины, противоправности, разумности, осмотрительности. Большая часть исследования посвящена особенностям корпоративных правоотношений, детерминирующим специфику действия принципа добросовестности: управленческому характеру отношений, множественным разнонаправленным интересам, агентской проблеме и принципу большинства. Данные особенности апробируются на отдельных группах корпоративных правоотношений, в которых фигурируют участники (акционеры) корпорации, лица, входящие в органы управления корпорации, фактически контролирующие лица. Поднимается вопрос о возможности применения принципа в контексте корпоративных отношений к самой корпорации (юридическому лицу). Значительная часть исследования раскрывает концепцию фидуциарных обязанностей в корпоративном праве, являющуюся центром кристаллизации принципа добросовестности в этой сфере. Выводы, полученные по результатам рассмотрения частных вопросов, согласуются и синхронизируются с общей концепцией принципа в частном праве и подкрепляются практическим материалом.

Книга может быть интересна научным сотрудникам, преподавателям, практикующим юристам, обучающимся по юридическим специальностям и всем интересующимся корпоративным правом.

УДК 346.1
ББК 67.404.013.11

ISBN 978-5-8354-2088-9

© Филипенко В. А., 2025
© Редподготовка, оформление. Издательство «Статут», 2025

СПИСОК ПРИНЯТЫХ СОКРАЩЕНИЙ

ГК РФ	Гражданский кодекс Российской Федерации от 30.11.1994 № 51-ФЗ (часть первая), от 26.01.1996 № 14-ФЗ (часть вторая).
Закон об ООО	Федеральный закон от 08.02.1998 № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью».
Закон об АО	Федеральный закон от 26.12.1995 № 208-ФЗ «Об акционерных обществах».
Закон о банкротстве	Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)».
КС РФ	Конституционный Суд Российской Федерации.
ВС РФ	Верховный Суд Российской Федерации.
ВАС РФ	Высший Арбитражный Суд Российской Федерации.
Постановление Пленума ВС РФ № 25	Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации».
Постановление Пленума ВАС РФ № 62	Постановление Пленума ВАС РФ от 30.07.2013 № 62 «О некоторых вопросах возмещения убытков лицами, входящими в состав органов юридического лица».
Обзор практики по хозяйственным обществам (2019)	Обзор судебной практики по некоторым вопросам применения законодательства о хозяйственных обществах (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 25.12.2019).
Кодекс корпоративного управления, ККУ	Письмо Банка России от 10.04.2014 № 06-52/2463 «О Кодексе корпоративного управления».
ЕГРЮЛ	Единый государственный реестр юридических лиц.

ФГК	Французский гражданский кодекс (<i>Code civil</i>), 1803–1804.
BGB	Германское гражданское уложение (ГГУ), 1896.
Companies Act (2006)	Закон о компаниях Великобритании, 2006.
DGCL	Генеральный закон о корпорациях штата Делавэр (США), 1899.
AktG	Закон Германии об акционерных обществах, 1965.
GmbHG	Закон Германии об обществах с ограниченной ответственностью, 1892.
RUPA (1997)	Единообразный закон о партнерствах Великобритании, 1997.

ВВЕДЕНИЕ

1. Структура отраслей права и законодательства основывается на определенных принципах, базовых фундаментальных постулатах, распространяющих свое действие на широчайший круг правоотношений. Не случайно многие источники права не только в Российской Федерации, но и в зарубежных юрисдикциях, а также в сфере международного права в самом начале содержат список принципов. Особенно это характерно для кодифицированного законодательства. Данный феномен во многом является следствием научного анализа многих поколений юристов и других специалистов, солидарности по вопросу выделения и применения неких исходных правовых идей, а также непрерывного обобщения повторяющихся практических ситуаций.
2. При этом, если мы не разделяем в полной мере воззрения легизма и юридического позитивизма (нормативизма)¹, необходимо признать, что принципы права существуют и в отсутствие прямого закрепления их в нормативно-правовом акте. В данном случае принципы права предстают таковыми в результате консенсуса, конвенционального соглашения членов общества по поводу наиболее общих, универсальных постулатов, гарантирующих минимально требуемый уровень наличия права. Одна из главных ролей в этом консенсусе отводится юристам, профессиональный долг которых заключается в том числе в формулировке, фиксации и распространении базовых правовых идей. Кроме того, тот или иной принцип права при необходимости можно выявить исходя из общего смысла правовых норм².

¹ Подробнее о разграничении в правопонимании права и закона (позитивного права) см.: *Нерсисянц В.С.* Философия права: учебник для вузов. М.: Норма, 2005. С. 32–40. Оговоримся, что методологически мы придерживаемся точки зрения о неограниченности права явлениями, получившими позитивное закрепление. По мнению автора, правом (а не законом) является ряд явлений, находящихся в устоявшихся представлениях общества о должном и общеобязательном, социальной рефлексии и практике общественной жизни. В этом смысле принципы права являются проявлением права, диктующим правила и стандарты поведения, не имея при этом в ряде случаев нормативного закрепления.

² *Братусь С.Н.* Предмет и система советского гражданского права. М.: Госюриздат, 1963. С. 137.

3. Гражданское право России, восприняв многие идеи континентально-европейских правопорядков, также основывается на фундаментальных принципах, прошедших много сотен лет истории. Среди них принцип равноправия участников гражданского оборота, принципы неприкосновенности собственности, недопущения произвольного вмешательства в частные дела, автономии воли, свободы договора, принцип диспозитивности (инициативности), принцип справедливости.
4. Отечественному гражданскому (частному) праву известен и принцип добросовестности¹, уходящий корнями в Античность. На сегодняшний день кажется, что за весь период научной юридической работы, правотворческого процесса и правоприменительной практики мы знаем о принципе добросовестности почти все. Исследованию принципа посвящены сотни (а скорее тысячи) научных публикаций, монографий, аналитических статей, практических руководств, актов обобщения и толкования судебной практики. Необъятность принципа подталкивает исследователей к попыткам охватить все аспекты изучаемого явления, в результате чего из множества научных работ складывается достаточно целостная картина.
5. Но дело в том, что необъятность, неисчерпаемость принципа добросовестности со всей неизбежностью позволяют констатировать, что его изучение не может быть завершено. Развитие общественных отношений, а вслед за ним и развитие права и законодательства вызывают эволюцию принципа добросовестности, который вследствие этой эволюции может проявлять себя в новом свете, порождая целый kaleidoscope различных актов правоприменения и правотворчества. Здесь возникает вполне обоснованный вопрос: если принцип — это общее и фундаментальное правило, то как мы можем говорить о его различном применении, дифференциации, исключениях, неединообразных трактовках в смежных и отдаленных друг от друга сферах? Можно ли говорить, что кто-то из участников оборота действует менее добросовестно, а поведение иных субъектов более добро-

¹ Согласно п. 3 ст. 1 ГК РФ при установлении, осуществлении и защите гражданских прав и при исполнении гражданских обязанностей участники гражданских правоотношений должны действовать добросовестно. Это общая (генеральная) формулировка принципа в российском гражданском законодательстве.

совестно; что в однородных отношениях стандарты добросовестного поведения различаются? Правильно ли будет сказать, что мажоритарный акционер корпорации должен быть более добросовестным, чем миноритарный участник или, например, подрядчик в договоре строительного подряда?

6. Важно учитывать, что принцип добросовестности — это феномен юридической сферы знаний и правовой действительности. Такого рода феномены, тяготеющие к идеальным понятиям (добро, справедливость, законность, равенство, право и т.п.), не являются трансцендентальными; они не определяют опыт людей с неотвратимостью, как, например, гравитация, пространство и время (хотя новейшие теории и концепции в области физики могут подвергнуть сомнению неизблемость и этих категорий). Поэтому принцип добросовестности, как и другие идеи юриспруденции, как и само право, если и проявляется в объективной реальности, то только в представлениях людей, подкрепленных опытом жизни¹. Принцип добросовестности, исходя из этого, относителен, подвержен корректировке, приспособлению к конкретным условиям.
7. Осознание данного факта должно подвигать нас к постановке все новых и новых вопросов относительно специфики действия принципа в различных отраслях права, с участием разных субъектов и в бесконечно разнообразных условиях (фактических обстоятельствах). Ответы на вопросы подобного рода появляются по результатам научной работы и все чаще приводят нас к умозаключению, что специфика отношений детерминирует применение принципа.
8. Кроме того, отечественная юридическая наука все еще не осветила аспекты проявления принципа добросовестности в таких отношениях, как долгосрочные и реляционные договоры, фидуциарные сделки; не исследован вопрос о сугубо поведенческой составляющей добросовестных (недобросовестных) деяний участников оборота

¹ С.В. Сарбаш справедливо отмечает: «...несмотря на то что право — ипостась идеальная, оно явление объективное, поскольку существует не по произволу случайности, а порождается самой жизнью людей и всю ее охватывает...» См.: Основные положения гражданского права: постатейный комментарий к статьям 1–16.1 Гражданского кодекса Российской Федерации / отв. ред. А.Г. Карапетов. М.: Статут. 2020. С. 45 (автор комментария — С.В. Сарбаш).

с точки зрения экономического анализа права и теории игр. Совсем недавно появилось исследование о проявлении феномена добросовестности в правоотношениях со специфическими информационными обязанностями (обязанностями раскрытия информации)¹, хотя данная тема могла быть подвергнута анализу довольно давно, поскольку отечественное законодательство содержало нормы об информационных обязанностях в договоре строительного подряда, обязанностях по информированию потребителей, имелись положения о заверениях об обстоятельствах и др.

9. Также важно принимать во внимание, что в законодательстве Российской Федерации, по сравнению с другими континентально-европейскими правовыми порядками, принцип добросовестности получил закрепление относительно недавно. Несмотря на то что это «недавно» было более 10 лет назад, практика применения общего принципа добросовестности в гражданско-правовых отношениях до сих пор складывается, а отдельные проявления добросовестности в гражданских правоотношениях и сегодня исследуются в науке. Так, помимо проблем применения принципа добросовестности в гражданском праве возникает множество вопросов относительно распространения данного принципа на другие отрасли (или подотрасли). К примеру, можно ли при рассмотрении семейных споров комплексно исследовать правовое поведение сторон на предмет добросовестности? Работает ли полноценно принцип добросовестности в наследственном праве? Как проявляется принцип в деликтном праве, как он соотносится с виной и другими правовыми категориями? Но не менее интересным (а для профильных специалистов, вероятно, и более значимым) и неоднозначным представляется вопрос о квалификации добросовестности в корпоративных правоотношениях. Это обусловлено несколькими особенностями корпоративного права и корпоративных правоотношений, среди которых можно выделить множественность участников, наличие разнонаправленных интересов субъектов корпоративных отношений, не до конца определенную правовую природу этих отношений. Кроме того, на сегодняшний день продолжается дискуссия относительно места корпоративного права в системе российского права (учитывая

¹ Лугманов Р.Р. Информационные обязанности, вытекающие из принципа добросовестности. Правовой и экономический анализ: монография. М.: М-Логос, 2022. 293 с.

количество разнообразных концепций по этому поводу, вряд ли эта дискуссия может в принципе завершиться).

10. Несмотря на то что в ходе реформы законодательства корпоративные правоотношения попали в сферу распространения норм гражданского законодательства (п. 1 ст. 2 ГК РФ), сложно сказать, в какой части на корпоративные отношения распространяется общий («общегражданский») принцип добросовестности. На данный момент не произошло объективной кристаллизации принципа добросовестности в корпоративных правоотношениях, его специального применения в корпоративных спорах. При этом корпоративные споры продолжают возникать, но ответов на вопросы об особенностях проявления принципа добросовестности нет. В связи с этим появилась необходимость в теоретическом осмыслении и прогнозировании кристаллизации принципа в сфере корпоративных отношений.
11. Основываясь на изложенном выше, в рамках данного исследования необходимо рассмотреть специфику проявления принципа добросовестности в корпоративных правоотношениях, в корпоративном праве. Избранная проблематика является, безусловно, актуальной и требующей доктринального освещения, поскольку во многих научных работах и практических комментариях добросовестность в корпоративных отношениях либо выводится из общего принципа добросовестности в гражданском праве, либо отождествляется только с обязанностями менеджмента корпорации действовать добросовестно и разумно в интересах корпорации. Автор настоящего исследования полагает, что проявление добросовестности в корпоративных правоотношениях более многогранно, нюансировано и требует прицельного, тщательного изучения.
12. Также актуальность исследования обусловлена тем фактом, что масса проблем правовой квалификации добросовестности в корпоративных отношениях возникает и в правоприменительной практике. Ни в актах арбитражных судов, рассматривающих корпоративные споры, ни в разъяснениях высших судов не решен однозначно вопрос о квалификации добросовестности участников (акционеров) корпораций. Зачастую суды при рассмотрении корпоративных споров ссылаются на общий принцип либо под-

ходят к оценке поведения участников с пониженным стандартом добросовестности и осмотрительности. Не получила значимого развития и трактовка фидуциарных обязанностей менеджмента: суды перманентно ссылаются на максимально общие формулировки ст. 53 и 53.1 ГК РФ, не анализируя поведение менеджмента более глубоко и не мотивируя в достаточной степени свое решение. Встречаются судебные акты, в которых арбитражные суды пытаются разграничить обязанности директора (и провести более наглядную линию демаркации между обязанностью добросовестности (лояльности) и обязанностью разумности (должной заботы)) и дать точную, мотивированную квалификацию поведения директоров, но таких актов крайне мало.

13. Итак, настоящее исследование призвано рассмотреть принцип добросовестности в корпоративных правоотношениях и выявить особенности его действия в данной сфере. В гл. 1 мы проанализируем общие положения о принципе добросовестности: основные определения принципа, его сущность и функции, краткую историю становления принципа в зарубежных юрисдикциях; подробно осветим такую специфическую категорию, как фидуциарные обязанности в частном праве; выстроим систему принципа добросовестности в российском праве и более подробно опишем объективное и субъективное проявление принципа. Также в этой главе будет проведено отграничение категории добросовестности от смежных и конкурирующих явлений, в частности от добрых нравов и, что наиболее важно в фундаментальном плане, от категории вины.
14. В гл. 2 мы рассмотрим основные особенности корпоративных правоотношений, влияющие на специфику применения принципа добросовестности в этих отношениях. В этой части исследования мы не обойдемся и без определения места корпоративного права в системе российского права, а также без некоторых критических замечаний относительно теорий корпоративных правоотношений и построения некоторых «научных школ» в академическом пространстве России.
15. Главу 3 можно охарактеризовать как «Особенную часть» настоящего исследования, поскольку в ней мы рассмотрим специфику проявления принципа добросовестности в разных видах кор-

поративных взаимодействий. Анализу подвергнутся сущность и природа (институциональная принадлежность) отношений между участниками (акционерами), стандарт добросовестного поведения, применяемый к ним; фидуциарные обязанности лиц, входящих в органы управления корпорации, причем не только с точки зрения догматики, но и с позиции политики права; стандарт добросовестности, применяемый к лицам, фактически управляющим корпорацией и определяющим ее действия; кроме того, в этой части будет поставлен концептуальный вопрос об обоснованности и допустимости применения принципа добросовестности к самой корпорации в контексте корпоративного взаимодействия. Все описанное будет сопоставляться с «Общей частью» исследования, обозначенной выше, а выводы, сделанные в отношении зарубежных правовых порядков, будут проходить теоретическую и эмпирико-методологическую апробацию в парадигме отечественного права и законодательства.

16. Основной гипотезой исследования является тезис о том, что действие принципа добросовестности в корпоративных правоотношениях во многих случаях существенно отличается от действия принципа в других частноправовых взаимодействиях; его действие не настолько широкое, как в договорных и иных обязательственных правоотношениях. Отличие это связано с особенностями корпоративных правоотношений, а также со значительным влиянием на корпоративные правоотношения концепции фидуциарных обязанностей. Мы убеждены, что невозможно в полной мере описать действие принципа добросовестности в корпоративных отношениях только путем обращения к генеральному принципу добросовестности (п. 3 ст. 1 ГК РФ) и модели добросовестности участников двустороннего обязательства (п. 3 ст. 307 ГК РФ). В дополнение к этому корпоративные правоотношения часто имеют довольно сложное экономическое наполнение, а субъекты этих отношений демонстрируют нетривиальную экономико-поведенческую мотивацию.
17. При этом вполне возможно, что выдвинутая гипотеза окажется опровергнутой и, наоборот, подтвердится тезис о монолитности принципа добросовестности, упомянутый ранее. Иными словами, по результатам исследования вполне может выясниться, что принцип добросовестности действительно является трансценден-

тальной догмой, определяющей жизненный опыт и вектор применения права. В этом случае нам не остается ничего другого, кроме как констатировать, что принцип добросовестности действует в корпоративном праве так же, как мы привыкли рассматривать его действие в других сферах. Нет более или менее добросовестных или недобросовестных актов (поступков), а так называемый стандарт добросовестного поведения является не более чем фразеологизмом, не влияющим на практику. Но этот тезис, как и тезис, лежащий в основе гипотезы настоящего исследования, также будет нуждаться в надлежащем обосновании.

18. Что касается теоретической базы исследования, то стоит отметить, что в научных, научно-практических и практико-ориентированных публикациях и работах на тему принципа добросовестности в отечественной и зарубежной научной литературе дефицита не наблюдается. Это замечание справедливо для изучения общего принципа добросовестности в гражданском (частном) праве. В то же время если говорить о действии принципа в корпоративных отношениях, то имеет место критический недостаток публикаций, а имеющиеся на сегодняшний день публикации предлагают отрывочные и фрагментарные попытки рассмотреть действие принципа в сфере корпоративного права. Как уже подчеркивалось выше, подавляющее большинство работ посвящено обсуждению фидуциарных обязанностей генеральных директоров (иных менеджеров и лиц, фактически управляющих корпорацией), в которых многие авторы обнаруживают отражение принципа добросовестности. Однако в целом отечественные исследователи не акцентируют внимание на особенностях корпоративных правоотношений и телеологических (и иных политико-правовых) аспектах, определяющих специфику проявления принципа. Зачастую такие вопросы даже не ставятся.
19. В связи с этим всю имеющуюся теоретическую базу на русском языке по данной проблеме следует оценивать критически, сопоставлять ее с основополагающей целью исследования — выявлением специфики действия принципа добросовестности в корпоративных правоотношениях и стремиться выделить наиболее значимые моменты, имеющие отношение к этой непростой проблеме. При этом важно упомянуть, что элементом теоретической базы исследования является одна из первых диссертационных

работ, посвященных описанию и раскрытию содержания принципа добросовестности в корпоративном праве¹. Иных отечественных диссертационных или монографических исследований в данной области на сегодняшний день не обнаружено. Таким образом, настоящее исследование фактически является первой монографической научной работой, посвященной изучению принципа добросовестности в корпоративном праве. Однако мы предприняли попытку не столько описать саму концепцию принципа добросовестности и рассмотреть действие принципа в разных корпоративных взаимодействиях, сколько обозначить **специфику** его действия. По этой причине настоящее исследование обладает собственной актуальностью и в некоторых моментах выступает с критикой других научных работ (в том числе упомянутой выше диссертации).

20. Необходимо сделать несколько уточнений в части методологии. Помимо общенаучных методов, без которых, конечно же, никак нельзя обойтись, в исследовании для формирования более целостной картины изучаемого явления использовались описательно-повествовательный исторический метод, сравнительно-исторический метод и ретроспективный исторический метод. Известно, что история того или иного явления содержит большое количество подсказок, примеров позитивного и негативного опыта, точек зрения и мнений, анализ которых помогает сделать определенные выводы здесь и сейчас либо представить перспективы развития явления *de lege ferenda*. Как однажды выразился известный американский юрист О. Холмс, «для того, чтобы понять, что такое право, мы должны знать, чем оно было»². Сказанное применимо и к отдельным правовым явлениям и институтам. Поэтому некоторые разделы исследования включают в себя исторический сравнительный³ и ретроспективный⁴ анализ. В то же время нельзя допускать изложения «истории ради истории», т.е. формального

¹ Демьянова М. В. Принцип добросовестности в корпоративном праве: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2022. 252 с.

² Holmes O. W. The Common Law. Boston: Little, Brown & Co., 1881. P. 1.

³ Сравнительно-исторический метод предполагает изучение однопорядковых явлений в контексте конкретных этапов исторического развития. См.: Чашин А. Н. Теория государства и права: учебник / А. Н. Чашин. М.: Дело и сервис (ДиС), 2016. С. 21.

⁴ Ретроспективный метод позволяет оценить динамику развития того или иного явления и итоги этого развития на последующем этапе истории по сравнению с предшествующим этапом. См. там же. С. 21–22.

вкрапления в юридическое исследование исторических данных ради соблюдения критериев «большей полноты» и обоснованности исследования, являющихся значимым недостатком многих советских и современных отечественных научных публикаций.

21. Среди наиболее приоритетных методов политики права в настоящем исследовании представлен экономический анализ права. Экономический анализ права (или право и экономика, англ. *Law & Economics*) в самом общем виде — это научная методология на границе юриспруденции и экономики, пытающаяся описать экономическое содержание тех или иных правоотношений, эффективность и рациональность определенной модели поведения. Закономерно, что экономический анализ права оперирует категориями и понятиями экономической науки: издержки, блага, потребление, распределение, эффективность и полезность, равновесие (равновесный рынок, игровое равновесие стратегий по Нэшу) и др. Данный метод получил значительное развитие при изучении корпоративного права, корпоративного управления, корпоративных финансов¹.
22. Наконец, настоящее исследование не может обойтись без привлечения сравнительно-правовой методологии. За достаточно длительный период существования советской власти и административно-командной экономики многие идеи корпоративного права были забыты, а о существовании привычного корпоративного права (и особенно права коммерческих корпораций), основанного на континентально-европейских подходах, говорить было невозможно. В то же время западные правопорядки не «сходили с рельсов» рыночной экономики, а корпоративное право этих

¹ Сложившись в рамках чикагской экономической школы, метод стал распространяться по континентальной Европе и оказывать некоторое влияние на современную российскую научную мысль. Конечно, *Law & Economics* в рамках юридического исследования не может и не должен доминировать над формально-юридическим методом. Однако, на наш взгляд, современное научное исследование, преследующее глобальные цели, не вправе игнорировать междисциплинарные подходы. Особенно это касается корпоративно-правовой тематики, поскольку, как уже было сказано, транзакции в этой сфере часто имеют глубокий и не всегда однозначный экономический подтекст, что обуславливает применение методологии, находящейся на пересечении права и экономики. Экономический анализ права в связи с этим существенным образом обогащает арсенал ученого, юриста-практика, судьи, законодателя и пр., позволяет взглянуть на проблемы корпоративного права под другим углом.

юрисдикций не только не переставало существовать, но и стремительно развивалось. Более того, на протяжении XX в. в западных правовых порядках имели место громкие события и даже скандалы, так или иначе связанные с корпорациями и рынком ценных бумаг. Эти события требовали принятия неординарных решений как в области законодательства, так и в сфере правоприменения, в результате чего корпоративное законодательство западных стран модернизировалось, появлялись значимые судебные прецеденты.

23. Россия же после возврата к рыночным отношениям и демократическому политическому режиму была вынуждена практически с нуля выстраивать гражданское законодательство и нормативную основу, посвященную регулированию корпораций. При этом отечественным законодателем активно использовались наработки дореволюционных русских цивилистов, а также опыт зарубежных стран. Так, например, в ходе разработки Закона об обществах с ограниченной ответственностью была закреплена германская конструкция ООО, а в Законе об акционерных обществах «господствующими оказались американские подходы»¹.
24. В целом необходимо понимать, что многие категории и концепты современного корпоративного права в принципе происходят из доктрины и практики зарубежных юрисдикций. При раскрытии в рамках данного исследования тех или иных понятий корпоративного права крайне важно учитывать зарубежный опыт, научный и практический материал. Исходя из этого и следуя традиции уже ставшего классическим основного труда по сравнительному корпоративному праву², мы решили наиболее подробно проанализировать право и законодательство Великобритании, США и Германии. Вместе с тем, принимая во внимание особенности российского права и состояние российской экономики, идеи зарубежных ученых и практиков не всегда могут быть произвольно перенесены в отечественные реалии, а политико-правовые аргументы по тому или иному вопросу российского права не должны сводиться к слепому заимствованию.

¹ Суханов Е.А. Проблемы кодификации корпоративного и вещного права: избранные труды 2013–2017 гг. М.: Статут, 2018. С. 20.

² Comparative Company Law. Text and Cases on the Laws Governing Corporations in Germany, the UK and the USA. 2nd ed. / Ed. by A. Cahn, D.C. Donald. Cambridge University Press, 2018. 1060 p.

ГЛАВА 1

ОБЩИЕ ПОЛОЖЕНИЯ О ПРИНЦИПЕ ДОБРОСОВЕСТНОСТИ В ГРАЖДАНСКОМ (ЧАСТНОМ) ПРАВЕ

1.1. Основные определения добросовестности, сущность принципа добросовестности

25. На сегодняшний день не существует единого правового определения добросовестности. Отмечается, что данный факт является проблемой частного права в целом, поскольку добросовестность рассматривается и как руководящий принцип той или иной отрасли (подотрасли) или даже института¹, и как юридическая максима, некий стандарт поведения², норма, правило, обязательство одного лица перед другим³ и т.д. В российском правовом порядке в п. 5 ст. 10 ГК РФ также закреплена презумпция добросовестности.
26. Мы не разделяем опасения зарубежных авторов относительно того, что подобного рода множественность подходов к определению добросовестности является проблемой и неизбежно приводит к разночтениям. Данный факт говорит о добросовестности как о многогранной правовой категории с различными проявлениями⁴, которые невозможно «положить в один ящик»⁵,

¹ *Tafaro S.* Brevi riflessioni su buona fede e contratti // Zbornik radova Pravnog fakulteta u Novom Sadu. 2006. Vol. 3. P. 73–105.

² *Jauffret-Spinosi C.* Théorie et Pratique de la Clause Générale en Droit Français Et Dans les autres Systèmes Juridiques Romanistes. In: General Clauses and Standards in European Contract Law. Comparative Law, EC Law and Contract Law Codification / S. Grundmann, D. Mazeaud (eds.). Kluwer Law International, 2006. P. 23.

³ *Hesselink M.W.* The Concept of Good Faith. In: Towards a European Civil Code / A.S. Hartkamp, E.H. Hondius, M.W. Hesselink, C.E. du Perron and M. Veldman (eds.). Kluwer Law International. 3rd ed., fully Revised and Expanded, 2004. P. 473.

⁴ Основные положения гражданского права: постатейный комментарий к статьям 1–16.1 Гражданского кодекса Российской Федерации. С. 170 (автор комментария – А.Г. Карапетов).

⁵ *Ikonomi E.* Searching for the Objective Good Faith in Contract Law // European Journal of Law and Political Sciences. 2016. P. 6.

что тем не менее ни в коей мере не препятствует развитию права и законодательства. Специалисты в разных сферах частного права и цивилистического процесса могут сосредоточиться на раскрытии одного из проявлений добросовестности (например, исследовать действие презумпции добросовестности в гражданском или арбитражном процессе) и в результате, совместив полученные знания с наработками других исследователей, выстроить обширную систему правового понимания добросовестности. Однако для согласования подходов и устранения противоречий необходимо договориться об исходном понятии добросовестности как руководящего принципа и стандарта поведения.

27. Если дать определение принципа добросовестности, то в самом общем виде это принцип гражданского (частного) права, который предписывает любому участнику гражданско-правовых отношений выстраивать свое поведение в соответствии с некой общепринятой и минимально допустимой в данном правовом порядке схемой поведения. Добросовестный участник правоотношений должен вести себя с учетом прав и законных интересов других участников этих отношений¹, честно² и корректно³ (ит. *correttezza* — правильность, честность, корректность, справедливость, уместность) по отношению к контрагентам (в широком смысле). Основываясь на приведенном определении, нетрудно понять, что принцип добросовестности представляет собой стандарт поведения⁴. Как это соотносится с многочисленными правовыми нормами, также предписывающими определенную модель поведения?
28. Данное обстоятельство не должно вызывать особых вопросов, поскольку из теории права известно, что правовая норма — это общеобязательное и формально-определенное правило поведения

¹ Bianca C.M. *Diritto civile*. Vol. 3: Il contratto. Milano: Giuffrè Francis Lefebvre, 1987. P. 224.

² Hesselink M.W. *Op. cit.* P. 472.

³ См.: Tafaro S. *Op. cit.* P. 75, 82; ст. 1175 Гражданского кодекса Италии.

⁴ См.: Bianca C.M. *Op. cit.* P. 223; Febbrajo T. Good Faith and Pre-Contractual Liability in Italy: Recent Developments in the Interpretation of Article 1337 of the Italian Civil Code // *The Italian Law Journal*. 2016. Vol. 2. No. 2. P. 297; Основные положения гражданского права: постатейный комментарий к статьям 1–16.1 Гражданского кодекса Российской Федерации. С. 170–173, 181–182 (автор комментария — А.Г. Карапетов).

ния¹; предписание простой нормы права в любом случае более конкретное, чем предписание нормы-принципа. Поэтому субъект, исполняя предписание конкретной правовой нормы (закона или договора), в то же время пребывает в сфере правового стандарта, имманентного любому правовому взаимодействию. Принцип конкретизирует, дополняет, корректирует и ограничивает содержание простых правовых норм и поведение субъектов права, о чем более подробно будет сказано при рассмотрении функций принципа добросовестности. В целом же надо понимать, что принцип добросовестности — это открытая норма (англ. *open norm*)² или норма с открытой текстурой³. Она формулирует некую концепцию и задает абстрактный стандарт, более определенное воплощение которого обнаруживается только в конкретных ситуациях, обстоятельствах и (порой более явно) в специфических правоотношениях.

29. Некоторые ученые полагают, что принцип добросовестности не является принципом гражданского права в целом, а имеет более конкретное отношение к осуществлению и защите гражданских прав и исполнению обязанностей⁴. Данное утверждение представляется спорным, поскольку, во-первых, трудно отыскать и зафиксировать практическую или даже теоретическую пользу столь ограниченного понимания принципа добросовестности; во-вторых, встречаются ситуации, в которых необходимость применения принципа напрямую не связана с осуществлением прав или исполнением обязанностей (по крайней мере не является следствием их осуществления или исполнения определенным образом). Например, институт расторжения или изменения договора вследствие существенного изменения обстоятельств (ст. 451 ГК РФ), неразрывно связанный с доктри-

¹ Чашин А.Н. Теория государства и права: учебник. С. 176.

² Hesselink M.W. Op. cit. Р. 473. При этом необходимо отметить, что сам М.В. Хесселинк критикует такое понимание принципа, делая акцент на судебном правотворчестве (суды конкретизируют и «наполняют» принцип добросовестности смыслом в каждом споре).

³ Основные положения гражданского права: постатейный комментарий к статьям 1–16.1 Гражданского кодекса Российской Федерации. С. 183 (автор комментария — А.Г. Карапетов).

⁴ Гражданское право: учебник: в 4 т. Т. I: Общая часть / отв. ред. Е.А. Суханов. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Статут, 2019. С. 47.

ной добросовестности¹, подлежит применению судом не столько вследствие злоумышленного или небрежного поведения одной из сторон, сколько по необходимости соблюдения требований справедливости и доброй совести при изменившихся обстоятельствах. Концепция подразумеваемых условий, известная юрисдикциям общего права, а также концепция толкования договора, применяемая всеми развитыми правовыми порядками², также исходят из требований добросовестности, справедливости и защиты доверия, зачастую без ретроспективной оценки поведения конкретной стороны контракта. Таким образом, принцип добросовестности хотя и относится по большей части к осуществлению прав и исполнению обязанностей участниками гражданского оборота, но содержательно является более широким и может рассматриваться как принцип гражданского (частного) права в целом.

30. Роль добросовестности как принципа гражданского (частного) права в целом — это предложение некой меры, предпочтительной модели поведения, которая, с одной стороны, согласуется с нормами закона, а с другой — соответствует представлениям общества о морали и нравственности. Принцип добросовестности призван смягчить противоречия, возникающие между *jus strictum* (строгим писаным правом, позитивным правом) и *aequitas* (справедливостью), являть собой общую и равную меру для различных и неповторимых социальных взаимодействий³. Принцип «снимает напряжение» между позитивным правом и теми обстоятельствами, которые возникают в реальности, и это напряжение

¹ Нам К.В. Статья 451 ГК РФ и доктрина существенного изменения обстоятельств // Вестник гражданского права. 2019. № 6 (СПС «КонсультантПлюс»).

² См., например: *Tafaro S.* Op. cit. P. 88–90 и ст. 1366 и 1374 Гражданского кодекса Италии; Treitel: *The Law of Contract*. 14th ed. / Ed. by Edwin Peel. Sweet & Maxwell, 2015. § 6-032; *Austen-Baker R.* Implied Terms in English Contract Law. 3rd ed. Elgar Commercial Law and Practice Series, 2023. 230 p. и основополагающий прецедент английской судебной практики по вопросам толкования договора: *Investors Compensation Scheme Ltd v. West Bromwich Building Society* [1997] UKHL 28; *Vogenaue S.* Interpretation of Contracts: Concluding Comparative Observations. Oxford Legal Studies Research Paper No. 7/2007. 2007. P. 5 и § 133, 157 BGB; ст. 1156–1164 Французского гражданского кодекса; ст. 431 ГК РФ и абз. 2 п. 43 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 25.12.2018 № 49 «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации о заключении и толковании договора».

³ *Ширвиндт А.М.* Принцип добросовестности в ГК РФ и сравнительное правоведение // *Aequum ius*. От друзей и коллег: к 50-летию проф. Д.В. Дождева / отв. ред. А.М. Ширвиндт. М.: Статут, 2014 (СПС «КонсультантПлюс»).

снимается путем апелляций к морально-этическим и иным ценностям, лежащим вне права¹. Однако и этика, и мораль — категории чрезвычайно субъективные. Если бы мы выстраивали аксиоматику принципа добросовестности и юриспруденции в целом в парадигме религиозного догматизма или схоластической логики, то искомые моральные и этические ценности обнаружились бы в каком-то авторитетном писании в незыблемом и априорном (предопределенном) виде (хотя и в этой парадигме неизбежно возникают сложности истолкования и дефекты тенденциозности). Но научно-философская мысль XX в. показала, что этика, мораль и размышления о благе — это в сущности лишь попытки навязать отдельным индивидам желания и убеждения других индивидов, сопровождающиеся словами и риторическими приемами, которые должны вызвать у других людей такие же эмоции и убеждения, как и у говорящего об этике и благе². Никакой предопределенности или общепризнанности в этой сфере по большому счету нет. То, что считалось аморальным 50 лет назад, сегодня может признаваться приемлемым³. Следовательно, странно ожидать от любого члена общества (и даже небольшой социальной группы) одинакового мнения или убеждения по различным морально-этическим вопросам, одинакового набора представлений, знаний и качеств. Более того, огромное количество вопросов общественной жизни (культурно-духовных, религиозных, бытовых, семейных) и вовсе не заслуживают внимания права. Поэтому принцип добросовестности, подспудно заставляя нас обратиться к морали и справедливости, все же покрывает очень незначительную часть морально-нравственного спектра — ту ее часть, которая заслуживает внимания (заслуживает охраны)⁴ конкретного правопорядка и именно в связи с оценкой со стороны права. Правовой стандарт добросовестного поведения часто может быть ниже стандарта, предписываемого моралью и этикой. Например, члены определенного общества могут быть искренне

¹ См.: *Лугманов Р.Р.* Указ. соч. С. 45; *Он же.* Принцип добросовестности как средство развития права // *Право и политика.* 2021. № 5. С. 63; *Hesselink M.W.* *Op. cit.* P. 472.

² *Russell B.* *Religion and Science.* London: Thornton Butterworth-Nelson, 1935. P. 225—227.

³ *Roppo V.* *Diritto Privato.* 5° ed. Torino: G. Giappichelli Editore, 2016. P. 13.

⁴ Основные положения гражданского права: постатейный комментарий к статьям 1—16.1 Гражданского кодекса Российской Федерации. С. 172—173 (автор комментария — А.Г. Карапетов).